

Наталья Лагота

Поцелуй-трав
и БЕДОВАЯ ГОЛОВА

Наталья Лакота

Поцелуй-травы и бедовая голова

<https://litres.ru/74073504>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне пришлось спрятаться в заповедном лесу, притворившись старой уродливой ведьмой, потому что жить с дикими зверями безопаснее, чем жить с людьми. Я хотела забыть о прошлом навсегда, но прошлое не пожелало забыть обо мне, и однажды в мою лесную избушку появился тот, кто поклялся меня убить.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	26
Глава 2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Наталья Лакота

Поцелуй-травка и бедовая голова

Пролог

Веретено тихо жужжало у меня в руке. Куделька щипалась, нитка тянулась, огонь потрескивал в печи, пахло гречневой кашей – разопревшей в печном жару, с вытопленным салом, с обжаренным лучком... Было мне тепло и спокойно, как вдруг сова на жердочке под потолком раскрыла круглые глаза, растопырила клюв, завертела головой и трижды ухнула.

- Ещё кто-то та-а-ащится, - зевнул чёрный, как уголь, кот, лежавший на коврикe возле моих ног. – Ночь на дворе. Куда их несёт? Хоть бы поутру приходили...

- Ты не мяукай там, а черепа зажги, - сказала я сердито и отложила прялку.

Впрочем, сердилась я не на кота, а на того остолопа, которому, и правда, не спится в ночь глухую. И принесла же очередного дурака нелёгкая!...

Кот потянулся, мягко и упруго – будто ивовая ветка согнулась, я приоткрыла дверь, и он так же гибко юркнул за

порог, в предночную темноту.

Тем временем я окунула руки в ковшик с водой, похлопала себя по щекам, постучала подушечками пальцев по лбу, взъерошила волосы, прошептала заветное словцо, и вот уже на меня глянуло моё отражение – моё и не моё. В это лето мне исполнилось двадцать три, но в зеркале отразилась старуха лет восьмидесяти, седая, морщинистая, с крючковатым носом до подбородка, со впалыми губами, и маленькими поблекшими глазами без ресниц.

Эх, хороша!..

Я полюбовалась на себя, улыбнулась, показав единственный зуб, и в который раз мысленно поблагодарила Коша Невмертича за то, что открыл преображающее заклятье. Насколько легче жить в наше время девушке, знающей, как миг превратить себя в старуху, чуть покрасивее жабы.

- Мя-я-яу-у-у! – раздалось со двора дикое завывание Оди-хунтьевича.

Это был условный знак, что гость уже возле тына. Я взяла метлу, прокашлялась, чтобы говорить хриплым голосом, и вышла на крыльцо, пинком распахнув дверь.

Привычная картина – за тыном шумит ночной дремучий лес, на кольях черепа горят пустыми глазницами и щёлкают зубами, а перед воротами-заворотами стоит очередной добрый молодец и от страха клацает зубами почище черепов.

Через доски ворот мне было плохо его видно – только рубашка белела в темноте. Или это была его побледневшая фи-

зиония? Ну не суть. Главное, чтобы побыстрее его спроводить, а то каша переварится.

- Фу-ты! Фу-ты! Никак русским духом пахнет?! – гаркнула я, потянув носом в одну сторону, а потом в другую. - Кто посмел меня потревожить? Кому жизнь не мила?

- А-а... я-а... м-мне-е... - раздалось бляение по ту сторону забора.

Я подождала ещё, но ничего более толкового не услышала.

- Баран, что ли? – спросила я, сунув метлу под мышку.

Одихунтьевич скакнул мне прямо на голову, и я увидела, как на воротах заплясали зелёные отблески от его горящих глаз.

- Д-другак, Поспешаев сын... - послышалось хоть что-то похожее на человеческую речь.

- Чудесно, - прорычала я. – И что тебе здесь сдалось, Дурак, Поспешаев сын? Спесишь к пращурам отправиться?

По ту сторону испуганно икнули, а потом снова заблеяли:

- К-коня хочу у тебя попросить... богатырского...

- Ах, коня-я? – зарычала я ещё грознее. – А знаешь ли ты, Мертвак, Поспешаев сын, что мои кони – они за золото не продаются, за драгоценные камни не вымениваются?

- Лю... любую службу тебе сослужу, сударыня Ягища, - залепетал этот Другак-Дурак.

- Прямо любую? – усомнилась я.

- Что прикажешь! Всё сделаю! – выпалил он уже пободрее и с надеждой.

- Не тyani, - зашипел Одихунтьевич мне в ухо, - а то бо-
яться перестанет.

- Уйди, тварь хвостатая, - прошипела я в ответ и скинула
его с головы на крыльцо.

Кот приземлился на все четыре лапы, выругался непри-
лично и витиевато, а потом задрал заднюю лапку, приняв-
шись вылизывать то, что в приличном обществе показывать
не полагалось.

- Тебе зачем конь, паря? – спросила я, поудобнее перехва-
тывая метлу и предвкушая скорый и вкусный ужин в компа-
нии кота и совы.

- Мир посмотреть, себя показать...

- Так и быть, - милостиво согласилась я. – Есть у меня три
условия. Выполнишь их – получишь коня богатырского.

- Всё, что прикажешь! – послышалось из-за ворот уже ра-
достно.

- Люблю согласных, - важно начала я, пристукнув палкой
метлы по крыльцу. - Ты, я вижу, справный молодец, давно та-
ких не встречала. Поэтому первое условие такое – проспишь
три ночи в моей постельке! – тут черепа, как один, поверну-
лись на шестах и осветили меня горящими глазами с головы
до ног.

Во всей, так сказать, красе.

- Ну, согласен? Тогда заходи, - я сунула в рот два пальца
и оглушительно свистнула, вспугнув с ближайшей ёлки стаю
ворон.

Ворота ухнули и сами открылись, скрипом петель заглушая дикое воронье карканье.

Я успела заметить мелькнувшую в темноте белую рубашку, а потом даже через поднявшийся птичий шум расслышала треск валежника в чаще – это храбрец-удалец удирал во все лопатки.

Ещё раз присвистнув ему вслед, я заорала, махая метлой и пугая ворон ещё больше:

- Хиляй, пока не догнала! Беги – не споткнись! А то поймаю, ноги-то вырву! По самые по эти!..

- Ну хва-а-тит уже надсажаться, - мяукнул Одихунтьевич, - и так весь лес переполошила. Пошли кашу есть.

- Ворота закрой, - велела я ему, опуская метлу. – И птичек успокой. Орут, как в первый раз.

- Ла-а-дно, - протянул кот, но с крыльца прыгнуть не успел.

Из-за ворот шагнула другая рубашка – белая, но белевшая под блеснувшей кольчугой, и совсем другой голос – твёрдый и немного мрачный – произнёс:

- Ещё какие у тебя условия?

Я пристукнула метлой, и черепа снова повернулись, осветив рубашку и кольчугу, посмевающих ступить за мои ворота.

- Ты кто и откуда? – спросила я, рассматривая ещё одного гостя.

Раньше они, хотя бы, по одному шастали, а теперь, видать, совсем от страха умом трюхнулись – ходят парочкой, баран

да ярочка.

Впрочем, того, кто стоял в воротах, ярочкой можно было назвать разве что в насмешку. Я сразу прикинула, что ростом он будет добрую сажень, и меч у него на поясе явно не кашку просил. Молодой... лет двадцати пяти... плечи широкие... взгляд решительный... Ну вот, и правда - принесла нелёгкая. У него ещё и тёмные кудри были волной до плеч и венцом вокруг лба. Просто картинка какая-то, а не человек.

- Меня зовут Драган, - ответил он тем временем, - и я пришёл к тебе за богатырским конём.

Тут меня словно крапивой ожгло.

Я жадно впилась взглядом в его лицо. Точно, он... И как я сразу его не узнала?..

В памяти всплыло далёкое-далёкое воспоминание – долговязый четырнадцатилетний парень с хохотом улепётывает во все лопатки, умудряясь уворачиваться от камней, шишек, палок, которые я швыряю ему вслед, хватая всё, что под руку подвернётся. Вот он отбегает на безопасное расстояние и кричит: «Эй! Горки-то у тебя золотые, а маковки какие? Серебряные или яхонтовые?». «Я тебе язык-то подкорочу!», - ору я ему, а сама краснею, краснею, краснею, и губы горят от быстрого нахального поцелуя и от не менее нахального прикосновения.

Всё это пронеслось в моей памяти, и сердце заныло давней болью. Я думала, что за три года изжила её, проклятую. Но она снова вернулась. Прошное не хотело отпускать, как бы я

ни пыталась сбежать от него. Вот и этот гость из прошлого – он был совсем тут не нужен. Просто совсем ни к чему! И его надо было сразу гнать в три шеи и помелом подхлестнуть на прощание, но... я не смогла. Стояла, смотрела на него и молчала.

- Мияу? – тихонько позвал Одихунтьевич, удивлённо тараща на меня глаза, и я очнулась.

Да, надо прогнать... Надо... И никаких условий... Сказать, чтобы уходил. Драганам сегодня не подаём...

Но вместо того, чтобы указать парню путь чист, я встряхнула головой, подбоchenилась и заявила с усмешечкой:

- За конём, значит, пришёл, Драган-Болван? – тут я игриво выставила жилистую ногу в вязаном лапоточке и пристукнула черенком метлы по крыльцу.

- Ма-а-а-у-у-у! – взвыл Одихунтьевич, которому я нечаянно попала по хвосту, и брызнул с крыльца в темноту, продолжая обиженно орать.

- Вижу, ты не только храбрец, но и красавец, паря, - продолжала я, не обращая внимания на обиженного кота. - Первое условие выполнишь? Три ночи в моей постельке.

Черепка опять повернулась, освещая меня. Я ещё и улыбнулась, показав единственный зуб, чтобы уж проняло так проняло, до самых подмышек.

- Люблю красавчиков, - добавила я и плотоядно облизнулась. – Но если не угодишь, так и знай – съем. Сожру на завтрак с потрохами.

Мой ночной гость окинул меня сумрачным взглядом и хмуро произнёс:

- Я уже сказал, что согласен. Ты глухая, что ли, карга старая?

Кот резко замолчал, да я и сама слегка растерялась. Второго и третьего условия попросту не существовало. В них и необходимости никогда не было.

- Тебе конь-то зачем, молодец? – спросила я, чтобы потянуть время, и соображая, не надо ли уже звать медведя из чащи.

Появление папы Мишки, вообще, мигом успокаивало даже самых настырных. Даже когда в прошлом году деревенские пришли ко мне всеми местными мужиками - выяснять, почему это у них репа не уродилась. Тогда мы очень быстро пришли к миру и согласию – стоило Михайло Потапычу рывкнуть из-за дуба-вяза по моей просьбе.

Будто я разбираюсь в их репе...

- Осенью княжна Златогорка из Житеца будет искать себе мужа, - произнёс парень угрюмо. - Устроят состязания между женихами и конный забег. Чтобы выиграть, мне не хватает только коня. Говорят, у тебя лучшие кони. Поэтому и пришёл. Коня просить.

Княжна Златогорка... Житец...

Сердце болезненно ёкнуло, когда я услышала знакомые имена. А ведь думала, что прошлое глубоко похоронено, не откапашь.

Другое дело, что виду я не показала, и продолжала смотреть на парня насмешливо.

- Ух ты, - восхитилась я с издевкой. — Только коня для выигрыша, говоришь, не хватает? В себе, значит, не сомневаешься?

- Нет, - ответил он коротко.

- Тебе так княжна понравилась или её приданое? — поинтересовалась я.

- Ты меня исповедовать, что ли взялась? — спросил он в свою очередь.

- Не хочешь — не отвечай, - пожала я плечами. — Конь ведь тебе нужен, не мне.

Это был весомый довод, и Драган-Болван вынужден был это признать.

- Ты меня сначала накорми, напои, - сказал он, подумав, - а потом уже и расспрашивай. Я неделю в дороге, и всё пешком... Ноги уже до колена стоптал.

- Заходи, - сказала я и распахнула дверь.

В темноте горели немым изумлением зелёные глаза моего кота, но я притворилась, что ничего особенного не происходит, и посторонилась, пропуская гостя.

Дверь была низковата для сажени, и соискателю в женихи княжны Златогорки из Житеца пришлось согнуться чуть ли не в две погибели, чтобы пройти.

Из избушки ухнула сова, и храбрый витязь попятился, но я подтолкнула его в спину, а потом зашла сама, захлопнув

дверь.

- Вон рукомойник, - сказала я, мотнув головой в угол.

Пока гость умывался и вытирался простеньким рушничком, без вышивки, я достала из печи чугунок, поставила его на стол, сняла крышку, обжигая пальцы. В компанию к каше достала солёных огурчиков нового урожая – сама солила, с тмином и смородиновым листом, а потом взяла с полки чашки, ложки и две чарочки зелёного толстого стекла.

- Садись за стол, - пригласила я гостя. – Чем богаты, как говорится.

Добрый молодец не заставил себя упрашивать, и накинулся на кашу, уплетая за обе щеки. Я разлила по чарочкам прозрачное пшеничное вино и пододвинула гостю тарелочку с огурцами – на закуску.

От чарки он не отказался, хлопнул сразу до дна и покраснел, закашлялся.

- Ты закусывай, закусывай, - посоветовала я, и пока он хрустел огурчиком, снова наполнила его чарку, так и не приронувшись к своей. – Ешь, пей, а я пока баньку затоплю.

- Баньку-то зачем? – спросил он, не переставая жевать.

- А что я тебя, в свою постельку грязным положу? – фыркнула я в ответ. – От тебя духом немытым разит, хоть нос затыкай. А ещё княжий сын! Так, сударь мой Драгомир?

Жевать он сразу перестал и уставился на меня настороженно.

- Что такое? – поддразнила я его. – Застеснялся?

- Ты откуда знаешь?.. – только и сказал он. – Что я...

- От чуда-юда! – сказала я, прихлопнула в ладоши и поднялась из-за стола. – Пошла баньку гостю дорогому топить. Готовься!

Я направилась вон из избышки, он проводил меня задумчивым взглядом, а потом опять набросился на еду. Оглянувшись на пороге, я увидела, как княжич лопает простую гречневую кашу. А ведь был лакомкой – каких поискать. Сомовий плес ему не нравился, гусь паровой был жёстким, медовые пирожки горчили. И впрямь, что ли, изголодался в дороге? Но почему княжий сын без припасов, без слуг, без охраны?.. И без коня!.. Обобрали разбойники? А кольчугу с мечом почему не взяли?

На крыльце меня ждал Одихунтьевич – злой, как сто чертей.

- Чем ты с ним там занимаешься? – почти зарычал он, скребя когтями по доскам. – Если меня из избы выставила?!

- Ой, прости, - повинулась я, думая о Драгомире. – Забыла тебя впустить. Мог бы позвать, я бы тебе дверь открыла.

- А я звал! – заорал он. – Чуть голос не сорвал! Да кто не слышал!

- Всё, угомонись, - перебила я его, сбегая по ступенькам. – Подумаешь, четверть часа на улице просидел. Ты кот или кто?

- Тут темно и холодно, вообще-то! – от возмущения он разорался ещё громче. – И на кой тыпустила этого прохо-

димца?! Ты головой не ударилась?

- Ты что так разволновался? Изба моя – кого хочу, того и выпускаю, – отрезала я. - Тебя жепустила?

- А вот это – низко! Упрекать меня моим бедственным положением...

- Какое положение? – снова перебила я его, набирая из дровяника полешек. – Ты – кот. Тебе, вообще, полагается в подполе жить и мышей есть. А я тебя разбаловала, ты у меня на бархатной подушке спишь и кашку из крашеной миски ешь. Всё, не бухти. Не помогаешь, так не мешай.

Пока кот сердито фыркал и неприлично ругался, я затопила печь в бане, Бросила в ковшик сушёной мяты и смородиновых листьев – чтобы запарить и плескать на камни для духовитого воздуха. Зажгла светильничек, принесла ещё охапку поленьев, а потом достала из клетки полотенца и перемену белья.

Жениться, значит, бедняжка наш решил, да без коня женитьбы не получается... Ахти-ахти! Ухти-ухти! Видать, строгий батюшка не одобряет женитьбу, даже коня пожалел сыночку. А вот почему невеста не угодила – это интересно...

Я уже поднялась по ступеням, чтобы позвать княжича в баню, но остановилась, глядя невидящими глазами на дверь.

Мне-то какая разница, кто там на ком женится или не женится?

Мне – какая – разница?

- Может, меняпустишь? – раздражённо спросил Одихун-

тьевич. – Тут, к твоему сведению, крысы бегают. А я страх крыс не люблю!

- Это не крысы, котяра. Это суслики, - ответила я ему и отворила дверь, пропуская его внутрь.

Гость как раз доедал кашу – выскребал остатки из горшка. И это означало, что нам с Одихунтьевичем на вечернюю трапезу оставались лишь хлеб да молоко.

- Обжо-о-ра-а-а! – взвыл кот, с ненавистью глядя на княжича.

- Что это твой кот всё орёт, как бешеный? – спросил Драгомир, хлопая отяжелевшими веками.

- Чужаков не любит, - безмятежно ответила я и добавила сквозь зубы, обращаясь к Одихунтьевичу: - Заткнись.

- Во-от как?! – разорался тот ещё сильнее. – Во-от, значит, как ты со мной? Я к тебе всем сердцем, а ты!.. Я с тобой два года живу, между прочим! Ты меня давно знаешь, а его – нет! И ты меня на него променяла?

- Сейчас выгоню, - пообещала я коту, и он тут же обиженно замолк.

Прыгнул на печь и завозился там в темноте, только глазищи блестели зелёными огнями.

- Ну что, гость дорогой, - позвала я княжича. – Баня топится, сейчас вода закипит, парку поддадим, косточки твои молодые пропарим...

- Я и один схожу, без тебя, - буркнул он, поднимаясь.

- Когда такое было, чтобы гость без хозяина в баню ходил,

- развела я руками. – А кто спинку потрёт? Кто полотенчко подаст?

- Спинку сам потру, - проворчал он. – Если хочешь, полотенце подашь. Только близко пока не подходи. Мы на постель договорились, а не на любовную жизнь.

Мне – честное слово! – стало смешно. Когда-то лез ко мне – отлепить невозможно было. А сейчас – держись подальше. Княжну Златогорку ему подавай... Женишок переборчивый...

- Пошли, - велела я. – Тебе конь нужен, а не мне. А раз конь нужен – то слушайся.

Он надулся не хуже Одихунтьевича и послушно пошёл за мной.

В бане было уже жарко, вода вот-вот должна была закипеть, я плеснула кипяточку в ковшик, и запахло распаренными травами.

- Раздевайся, паря, - приказала я и сама скинула понёву, оставшись в рубашке.

- Ты хоть отвернись, - попросил княжич совсем другим голосом.

И правда, стесняется! Давно ли стал таким скромняшкой?

- С чего бы мне отворачиваться? – усмехнулась я, наливая в большую деревянную кадучку воды. – Шрама я твоего на левой ягодичке, что ли, не видела?

Он невольно схватился за него, потом расслабился, мах-

нул рукой и начал раздеваться.

Наливая воду, я слышала, как звякнула кольчуга, как стукнул меч, а потом зашуршала одежда.

- Готов? – с некоторым усилием я заставила себя обернуться и увидела княжича Драгомира безо всяких покровов – как мать родила.

Красивый... Сильный... Плечи широкие, бёдра узкие, ноги прямые... И всё прочее – как полагается... Загляденье, а не парень. Только худой слишком. Рёбра на просвет. И впрямь, что ли, оголодал в дороге?

Он торопливо прошёл мимо меня, залез в воду, ухнул, сразу покраснев, как варёный рак, и потребовал подлить ещё горяченькой.

Я подлила, потом подала ему намыленную ветошку, надела воды для ополаскивания, пока он мыл голову, и всё думала – с чего бы княжичу из рода Славника тащиться в Заповедные леса, у Ягищи коня зарабатывать? Да кто его отпустил в такой путь? Или сбежал? Ну ничего, пшеничное вино и не таких разговорить умеет.

Мылся княжич долго, с удовольствием, а потом я ополоснула его с головы до ног, бросила полотенце, чтобы вытирался, и подала чистую рубашку.

Рубашка была из самого тонкого льна, вышита алым шёлком, и мой гость так и впился в неё глазами.

- Чья? – спросил он подозрительно, разглядывая вышивку по рукавам и вороту.

- Моя, - пожала я плечами.

- Ты что врёшь, - сказал он, поколебавшись. – Это мужская рубашка. И вышивка мужским узором.

Надо же, догадливый какой. И боязливый. Наверное, решил, что я какого-то храбреца до него уже сожрала, и одежду прибрала.

- А тебе что, вышивка не понравилась? Прости, другой нет, - сварливо ответила я, но потом смягчилась и добавила: - Надевай, её никто не примерял ещё. Брату вышивала, подарить не успела. Другую вышью, эта всё равно не получилась. Видишь, даже тебе не понравилась. А брат у меня привередливый.

Он наморщил лоб, какое-то время думал, а потом выдал:

- У тебя что - и брат есть?

- Конечно, - сказала я, насмешливо. - И ещё мать с отцом. А ты думал, я из яйца вылупилась?

Судя по его взгляду, он так и думал. Из яйца. Из жабьего или из змеиноного.

Но рубашку надел, и у меня опять больно тенькнуло в сердце. Потому что даже с размером я угадала – сшила точно по нему. Как знала, что в плечах раздастся и росту добавит.

- Ты откуда знаешь про меня? – спросил он, поколебавшись.

- Я всё знаю, паря. Сто лет, считай, живу. Тебя сопливым младенцем помню, и как ты шрамик свой заработал тоже знаю. Нечего было собак задирать, - поддразнила я его

и спросила: – Так что твои родители? Государь Доброслав и государыня Предслава? Им известно хоть, что ты поехал сватать Злату-Златогорку?

Он как раз одёрнул рубашку, вынырнул из вышитого ворота и так посмотрел на меня, что улыбаться я перестала.

- Что такое? – спросила я и тоже нахмурилась.

- Всё ты, бабка, знаешь, да не всё, получается? – он отвернулся от меня, зачерпнул ковшом студёной воды, напился, проливая воду на грудь, утёрся ладонью и сказал: - Два года назад всех Славниковичей вырезали в Дудлебе. Я последний из семьи остался.

Этимися словами он будто ледяной колодезной водой мне в лицо плеснул. В бане было жарко натоплено, но меня от макушки до пяток приморозило. Словно подул с гор холодный ветер и вызнобил снаружи и изнутри. Даже сердце пропустило удар.

- Подожди, как это? – я попыталась убедить себя, что княжич ошибается, или просто решил пошутить по-дурацки. - Как это – всех? Вас же там человек сто в роду? Дудлеб – город-крепость, туда даже Большая Чума не пробралась...

- Чума не пробралась, а ведьма смогла, - сказал Драгомир. – Всех положили, бабка. И прадеда Славника не пожалели, и малолетних братишек-сестрёнок. Дядьёв всех с жёнами. И... мать с отцом тоже.

- Подожди, - я всё никак не могла это уяснить и тяжело села на мокрую лавку, даже не заметив этого. – Государь Доб-

рослав и государыня Предслава...

- Никого нет, - глухо повторил княжич. – Я один остался.

- А ты как?.. – я не смогла закончить вопрос.

- По дурости, - он стиснул челюсти так, что зубы скрипнули. – Меня не было в городе. Когда пришёл, то... то уже опоздал. Если бы я остался... Не позволил бы!.. – он сжал кулаки, и я видела, что два года не принесли ему забвения и успокоения.

- Но как?..

- Ночью напали. Во время праздника. Тех, кто в церкви спрятался – добились.

У меня в голове не укладывалось, кто мог за одну ночь разгромить самый большой и могущественный род нашего государства. Какая сила смогла победить прадеда Славника, который пережил Большую Чуму? Какие богатыри смогли одолеть могучих сыновей Борживоя – Бурислава, Буриvoja, Остромира, Тихомира... Всем им было по пятьдесят-шестьдесят лет. И были они могучими мужами, а не бессильными стариками. Да что там! Прадед Славник, которому в год моего совершеннолетия стукнуло сто семь лет, был куда как крепок! Не говоря уже о его сыновьях – дедах Борживое и Собеславе, которым было под восемьдесят. И на ногах они стояли твёрдо, и медовуху пили наравне с молодыми, и плясать на пирах были горазды... А были ещё многочисленные отпрыски третьей ветви – все женатые, с детьми, румяные усатые удалыцы!.. Их-то как можно было одолеть? Не все же

лежали пьяными в беспамятстве? Может, опоили сонным зельем?..

- Кто это сделал... известно? – спросила я у Драгомира.

- Известно, - сказал он неприязненно. – Ты, бабка, только про шрамы на заднице знаешь, а с ведьмами знакомства не водишь?

- Кто?.. – только и смогла выговорить я.

Винишко, всё-таки, своё дело сделало. Банька – вряд ли. Я думала, душа размягчится, язык развяжется, но княжич посмотрел на меня невидящим взглядом, и глаза были пьяные, усталые, но холодные и вовсе не расслабленные.

- Ведьма из Житеца, - произнёс он бесцветным голосом.
– Княжна Злата-Златогорка.

Тут я порадовалась, что уже сидела на лавочке, потому что после такого заявления коленки задрожали и стали мягкими.

Княжна Златогорка перебила всех Славниковичей... Вот так новости...

И всё-таки я сумела совладать с собой и спросила:

- Это та самая, на которой ты жениться хочешь?

- Не хочу, а женюсь, - княжич бросил ковшик в кадку и пригладил ладонью кудри, которые даже намкнув не перестали виться. – Житец – сейчас хорошо охраняют и чужаков не жалуют. У меня единственная возможность туда попасть – с женихами. А там выиграю состязание, женюсь на княжне и придушу стерву в первую же брачную ночь.

Ух ты, даже так.

Тут впору было свалиться с лавочки в обморок, но я удержалась, вцепившись в деревяшку до боли в пальцах.

- Ладно, пошли, - велела я и поднялась.

Тело, прибитое новостью, слушалось плохо, и тут образ старухи сыграл мне на руку – я еле доковыляла до избышки и чуть не оступилась на крылечке. Драгомир ухватил меня за локоть, поддерживая, но сразу же брезгливо отпустил и даже ладонь вытер о штаны.

В избышке я снова плеснула по чарочкам и коротко произнесла:

- Давай за помин.

Он выпил и на этот раз не поморщился. И даже огурчиком не заел. Смотрел только прямо перед собой, а в глазах плясали страшноватые огоньки. И это было вовсе не отражение печных углей. Одихунтьевич завозился на печке, возмущённо ворча, что мы слишком долго пробыли в бане наедине, но сейчас мне было не до кота с его внезапно пробудившимися замашками любящего батюшки.

- Поздно уже, - сказала я, потягиваясь и хрустнув всеми своими цыплячьими косточками. – Пора и в постельку. Иди, ложись.

Постель у меня была, конечно, не для саженого парня, но зато с перинкой, с мягкими подушками и с шёлковым одеяльцем. По низу шёл вышитый подзор – моя работа долгими зимними вечерами, на стене – мягкий лоскутный коврик, чтобы приятно было уткнуться во сне.

Драгомир долго смотрел на кровать, а потом сказал:
- Ещё налей, - и поставил чарку.

Я не выдержала и усмехнулась. Плеснула ему ещё винца на четыре пальца. Пусть выпьет, чтобы крепче спалось. И быстрее забывалось то, что было, и чего уже не исправить.

Он выпил одним махом, зажмурился, мотнув головой, и я заботливо подсунула ему огурчик.

Сжевав огурец, мой добрый молодец резко выдохнул и принялся раздеваться – как в бане, даже исподнее снял. Я откинула одеяло, и он забрался на мягкую льняную простыню. Ноги свешивались с края, но я подставила ему табуретку, на которую положила плетёную подстилку со скамьи, а потом принялась гасить лучинки.

Драгомир настороженно наблюдал за мной, и когда я поставила в светец над чашкой с водой последнюю горящую оранжевым огнём палочку, не вытерпел.

- А ты что не ложишься? – спросил он грубовато.

- Я на печке лягу, милок, - ответила я ему с усмешкой.

- Как же... - растерялся он. – Ты же говорила?.. Условие...

- Три ночи в моей постельке? – тут я уже ухмыльнулась в открытую. – Так условие остаётся. Три ночи в моей постельке проспишь – считай, с первым заданием справился. А о том, чтобы я с тобой в этой постельке лежала – речи не было.

Лицо его выразило такое явное облегчение, что если бы не горькие вести, я бы посмеялась.

Княжич глубоко вздохнул, вытянулся в полный рост и за-

снул почти мгновенно.

Только тогда я на цыпочках подошла к постели и долго смотрела на него. Теперь лицо его было спокойным, хоть и измученным. Я совсем осмелела и легко погладила парня по пышным кудрям.

Ему в это лето двадцать три года исполнилось. Так себе возраст... Почти птенчик неоперившийся. И решил идти убивать княжну Злату-Златогорку из Житеца, дурачок...

Знал бы он, что княжна Златогорка – это я.

Глава 1

Было в наших землях много родов и семейств, и все они враждовали между собой. А за великокняжеский престол боролись Гнездовичи и Славниковичи, и каждое семейство не хотело уступать. Много крови было пролито, и тогда небеса для усмирения злобы и гордыни наслали на людей Большую Чуму. Многие умерли, оставшиеся в живых задумались – для чего проливают они братскую кровь? Тогда князь из рода Славниковичей и князь из рода Гнездовичей решили забыть былое и породниться, чтобы никогда больше кровь не обаграла нашу землю. Так княжна Любослава Премысловна из Гнездовичей стала женой княжича Борживоя Славниковича, и наступил мир...

Проснувшись, я всё ещё будто бы слышала голос наставницы, обучающей нас историям временных лет. Но это была не школа в столице, где я обучалась десять лет. Это был Заповедный лес. И птицы уже пели, приветствуя новое утро. День обещался выдаться жарким и солнечным – как раз для середины лета, и поэтому птицы голосили, кто во что горазд. Я чувствовала и понимала их радость, бодрость, и чуть ли не словами считывала, как пернатые счастливы, что снова взошло солнце.

Обычно я сразу вскакивала и мчалась делать дела, не

меньше птиц радуясь новому дню и солнцу, но сегодня сон отпускал меня медленно, нехотя, и тело болело каждым суставчиком.

Я вытянулась, и тут же заворчал Одихунтьевич, на которого я по нечаянности навалилась.

Рядом вместо деревянной стены была кирпичная кладка, и я с некоторым недоумением обнаружила, что лежу на печи.

А чего это не в своей кровати?..

Кряхтя, я спустила ноги и снова удивилась, обнаружив их костлявыми, с выступающими венами.

С чего это я сегодня в образе Яги?

Яга-Ягища, седая косища, голова – как репка, лицо – как жепка...

Ах да, у меня в избушке гость!

Я разом вспомнила события вчерашнего вечера и посмотрела на свою постель, в которой сегодня спал чужой человек.

Ну, не совсем чужой... Но и не близкий, конечно же... А то, что бабка Любослава хотела нас поженить...

Княжич Драгомир спал богатырским сном.

Вот как в сказках сказывают – хоть гром греми, а не проснётся.

Птицы вовсю выводили утреннюю песню, солнечный луч уютно пристроился на щеке, где ещё бороды и в помине не было – только пушок. Впрочем, у дядьки Доброслава тоже долго борода не росла – мне рассказывали, как его дразнили красной девицей. Но скорее всего, дело было в том, что в

роду у них были степняки – прадед Славник ради мира женился на степнячке, дочери какого-то хана, от её крови и появлялись время от времени в роду безбородые парни. Зато и глазищи у них были, как угли, и кудри чёрные вились – как раз на погляд девкам.

Эх... когда-то это всё было...

И как же так случилось, что за пару лет по нашим семьям сметь прошлась ещё безжалостнее, чем во время Большой Чумы?

Тихонько спустившись с печи, я накинула на плечи платок, взяла рабочую юбку и фартук, обулась и вышла во двор, без стука закрыв дверь.

Пусть мой гость поспит с дороги...

Здесь-то ему точно ничего не грозит...

А вот там, в стольном граде Житице...

И вот этот обалдуй решил жениться на ведьме из Жатеца и придушить её...

Мститель...

Понятия не имеет, куда нос сунул. И лучше бы и не имел.

Я оделась, хотела умыться, но вовремя вспомнила, что от воды заклятие пропадёт. А если пропадёт, то княжич Драгомир увидит перед собой не старую бабку, а ту самую Злату-Златогорку, которую собирается прикончить. И вопрос, успею ли я объяснить ему, что я не виновата в смерти Славниковичей, и что вот уже три года я живу безвылазно в Заповедных лесах и лишний раз в ближайшую деревню носа не

кажу. И почему так случилось.

Зачерпнув воды из деревянной кадки, я принялась наливать её в поилку. Вода была колодезная, чистая, но в кадку я налила её ещё вчера, чтобы вода прогрелась. Лошадям нельзя пить холодную воду, и для каждой надо по шесть ведер воды в день. Всего лошадей у меня двадцать, так что посчитайте, сколько надо натаскать хозяйшке, чтобы напоить табун утром и вечером.

Вода потекла по стоку, и под навесом, где стояли мои бурушки-каурушки, зафыркало и затопало.

Пока лошади пили, я надёргала на грядке морковки, вымыла и ссыпала в фартук.

- Всем доброго утра, хорошие мои, - поприветствовала я лошадей, заходя под навес, где они отдыхали ночью. – Не перепугались вчера? Опять у нас охотнички за вами пожаловали...

Лошади ответили мне тихим ржанием, тянулись мордами, выпрашивая ласки и угощений, а их главарь – жеребец Сивко-буланко, стоял, высоко вскинув голову, и ждал, когда я подойду. Этот выпрашивать ласки не станет, больно уж гордый. Зато красивый – не сказать, ни пером описать.

Для каждой лошади я нашла ласковое слово, каждую назвала по имени, потрепала по гривам, скормила по сочной морковке, потом засыпала в кормушки зерно и подбросила сена, и вооружилась скребком и ветошкой.

Это был каждодневный утренний ритуал – лошадок тре-

бовалось почистить, поскрести, а вечером нужно было проверить копыта, заплести хвосты-гривы, да и днём не получалось побездельничать – выкинуть навоз, приготовить овощную рублёнку на утро, натащить воды. И это не считая, что избушка-хороминка тоже требовала ухода, пригляда и заботы. А ещё огород и черный кот! Который мышей, зараза, не ловил, крыс боялся, падалью брезговал и только и требовал, что каши на красной ложке, под бок – перинку и простынку, и на коленях посидеть, когда за стеной выужит ветер.

Впрочем, на Одихунтьевича мне грешно было жаловаться. Без него я бы тут совсем одичала. Может, и разговаривать бы разучилась. А так хоть поболтать есть с кем. Мой котяра был зверюгой выдающейся – я понимала его речь до последнего словечка. Других животных и птиц – только образами, чувствами, ощущениями, а с Одихусей всё было не так. Он говорил, что его прапрадедом был кот Баюн – который и речь человеческую разумел, и сам мог языком человеческим говорить. Потомки часть умений утратили, но что-то осталось, поэтому-то я и могла поговорить со своим котом по душам, а другие слышали от него лишь назойливое мяуканье.

Так или нет было – я точно не знала, но верила. Потому что и мои предки когда-то, как написано а летописях, умели оборачиваться птицами и летать по белу свету в образе сокола, ворона или голубки. А всё потому, что вели мы свой род от легендарной Жар-птицы, о которой все слышали, хоть и никто не видел.

Конечно, за несколько веков умения свои мы порастеряли, но кое-что осталось. Мой отец – князь Незамысл, мог приручить любого коня, и те слушались его, как заколдованные. А к бабке Любославе, говорят, лесные дикие голуби сами вспархивали на руку. За дедушкой Мстиславом ничего подобного не замечали, но и я до поры до времени не знала, что могу понимать зверей и птиц. Может и не узнала бы, если бы нужда не заставила...

Лошади доверчиво льнули ко мне, узнавая даже в образе старухи. Звери добрее людей. Зверей трудно обмануть. Они чувствуют твой запах, узнают голос, тепло рук, чувствуют твоё сердце. Люди редко чувствуют чужое сердце. Они и в своём-то разобраться не могут, где уж постичь чужое.

...за великокняжеский престол боролись Гнездовичи и Славниковичи, и каждое семейство не хотело уступать.

Мне вспомнился мой сон-полусон. Да, летописи о кровавых войнах между Гнездовичами и Славниковичами я знала наизусть. И наизусть помнила Повесть о Великом примирении. Когда обе семьи породнились и перестали враждовать.

Больше чем полстолетия наше государство жило в мире и благоденствии, забыв о кровопролитии. Разбитые на дружеских поединках носы княжичей – не в счёт. И теперь я сильно подозревала, что причиной этому была именно моя двоюродная бабушка Любослава. Она приходилась старшей

родной сестрой моему деду Мстиславу, и вышла замуж за Борживоя Славниковича, став тем самым талисманом мира, что удержал наши семьи в равновесии после Большой Чумы.

Именно бабка Любослава мудрыми речами гасила все ссоры, которые случались между нашими семействами. Именно она устраивала общие праздники, дружила детей, а однажды взяла и объявила помолвку – сосватала меня, единственную дочку великого князя Незамысла, и младшего сына князя Доброслава, главы Славниковичей.

Помню, как я возмущалась, что не пойду за этого болвана! Как гневалась напоказ, как грозила из дома сбежать, в монастырь уйти... Мне было четырнадцать лет, и я не могла найти сил, чтобы признаться даже батюшке с матушкой, что безнадёжно влюблена в этого Драгана-болвана, и четыре года до свадьбы кажутся мне бесконечно длинными и бесконечно радостными.

В то время я училась на острове Рюген, где мудрые наставницы-волховы обучали юных дев разным премудростям – начиная от того, как следить за домом, чтобы в нём всегда были щи в печи и чистые рубашки для домочадцев, и заканчивая чтением, письмом и изучением древних летописей о событиях минувших лет. Как я хотела, чтобы учёба закончилась побыстрее! Чтобы вернуться в родной город Житец и обвенчаться с тем, чьё имя стеснялась даже вслух произнести.

Говорить о нём стеснялась, но думала постоянно. И даже

рубашку ему вышивала тайком, затворив дверь поплотнее и занавесив окна, чтобы никто не увидел.

Такая я была глупая, наивная, счастливая...

Только время прошло гораздо быстрее, чем я ожидала, и совсем не радостно. Сначала умерла бабушка Любослава, и с её смертью что-то пошатнулось, что-то... а вернее – всё пошло не так. На следующий же год начали приходить горестные вести – матушка скончалась, и меня даже не успели забрать домой на похороны. Не успела я отплакать по матери, как пришли вести, что Славниковичи ветки деда Борживоя ополчились против моего отца и пошли войной. Житец, конечно же, выстоял, но мир был порушен весь и разом.

Всё, что так старательно и любовно строила Любослава, рухнуло за пару лет.

Потом пришло письмо, что батюшка снова женился – на нашей ключнице, Равке. Я помнила её – немолодая, но статная и красивая женщина. Она была вдовой, пришла в Житец с маленькой дочкой, сначала служила дворовой, потом сенной, потом её повысили до горничной, а потом она стала и ключницей, на особом доверии у матушки. Равка была красивой, не такой красивой, как моя мать, но очень даже хороша. К ней многие сватались, но она никого из мужчин к себе не подпускала. До поры до времени, как оказалось...

Женитьба отца причинила мне столько же боли, как смерть матери. Если смерть – это печаль, то поступок отца не просто меня опечалил. Я расценила это, как предательство,

как личную обиду. Жениться так скоро! Не выждав траура!

Я написала отцу с десяток гневных посланий, но ни на одно не получила ответа. Плата за моё обучение приходила по прежнему, но больше из Житеца не прислали ни одного подарка, ни гостинчика, ни весточки... Словно обо мне забыли. Я винила в этом мачеху, злилась на отца, и считала дни до окончания учёбы, чтобы вернуться домой.

А когда моё обучение подошло к концу, и меня с другими девами переправили на большую землю паромом, меня уже ждали – две служанки и Равка, которая сообщила, что батюшка умер, и мне необходимо как можно скорее прибыть в Житец, чтобы принять правление городом и землями.

Я вспоминала об этих давних событиях, а руки сами делали работу – чистили, скребли, вытирали. Обирав всех лошадей и Сивко-буланко, я прошла в самый конец загона, где лежал на травяной подстилке недавно родившийся жеребёнок.

Малыш получился слабеньким, и даже не вставал на ноги. Мне приходилось кормить его, приподнимая ему голову, и переворачивать с боку на бок.

- Ну что, Задохлик? – спросила я ласково, вставая рядом с ним на колени. – Что же ты, малыш? Надо поправляться, надо сил набираться. Вон какое солнце! Бегать надо по траве, жирок нагуливать...

Жеребёнок посмотрел на меня тёмными, блестящими глазами, и я почувствовала, как ему хочется бегать, как хочется

на солнце и вольный воздух. Он даже слабо дёрнул тонкими ногами, словно попытался подняться, но не получилось.

- Сейчас я тебе помогу, - пообещала я и с кряхтением и пыхтением перевернула его на другой бок.

Хоть жеребенок и был маленьким и тощим, весил он всё равно в половину моего веса. Пожалуй, если не поправится, то я его и перевернуть скоро не смогу...

Тяжело вздохнув и отерев пот со лба, я напоила Задохлика и накормила медовой сытой, потому что траву он ел с трудом, а зерно и вовсе не мог. Даже дробленое и распаренное.

Наконец, все утренние приготовления были закончены, я потрепала Задохлика по холке, шепнула слова утешения, и пошла открывать загон.

Застоявшиеся за ночь лошади нетерпеливо ржали, а Сивко-буланко раздувал ноздри, пристукивая копытом.

- Геть, коняшки мои! – присвистнула я. – Паситесь, да не заблудитесь! По небу не летайте, в моря не заплывайте! На лугу паситесь, не разбредитесь!

Выпуская их на волю, я каждого оглаживала по крупу и пришлёпывала по атласным шкурам, словно благословляла.

- Всех береги, - велела я жожаку, который вышел из закона последним. – Чуть что – зови папу Мишку, он поможет.

Конь ткнулся мне в шею атласной мордой, встряхнул гривой и помчался вперёд ровной поступью – словно по речке поплыл.

Я невольно залюбовалась его бегом. Неудивительно, что

за моими конями со всего государства охотятся. А после того, как я подарила Кошу Невмертичу жеребенка, охотников только прибавилось. Но мои лошади – они не для продажи. Моим лошадям не годится надевать сбрую и под седлом ходить. Если только сами не выберут себе хозяина.

Когда последний конский хвост мелькнул за кустами, я отряхнула ладони, повернулась к избушке и обнаружила, что не я одна люблюсь табуном.

На крыльце стоял княжич Драгомир и смотрел вслед с таким жадным желанием, что так и нарывался на какую-нибудь гадость.

Я и сказала. Грубо. Злее, чем хотелось:

- Что уставился?

Он очнулся, перевел взгляд на меня, и глаза снова заволокло ледком.

- Нравятся, вот и смотрю, - ответил он спокойно и холодно, и добавил: - Что за этого жеребца хочешь?

- За Сивку-буланку? – так и вскинулась я. – Да ты с ума сошёл! Жеребенком получишь! И то, если справишься!

- Жеребенок мне не пойдёт, - покачал он головой. – Состязание уже осенью, а жеребёнка ещё пару лет растить.

- Не нравится, никто тебя здесь не держит, княжий сын, - ответила я сварливо. – Сивко-буланко мой табун гоняет, отдам его – всё равно что всех лошадей отдам. Нет, так дела не делаются.

- Тогда я пошёл. Только вещи заберу, - Драгомир хотел

нырнуть обратно в избушку.

- И куда это ты пошёл? – крикнула я, почуяв неладное.

- К Кощею пойду, - сказал он всё с тем же пугающим холодком в голосе. – Вызову его на поединок, если смогу победить – заберу его коня.

Вот болван! Да Кош Невмертич его на одну ладонь положит, второй прихлопнет – и только мокрое место останется!

Да что ж этого дурачка всё на ведьм да колдунов несёт?!

- Стой! – снова крикнула я, и голос тренькнул жалобно, по-девичьи, а не по-старушечьи.

Княжич обернулся, теперь глядя на меня с недоумением.

- Добро, - сказала я, прокашлявшись и продолжая говорить уже басом. – Будет тебе конь богатырский, если три службы сослужишь.

- Две, - тут же оживился он. – Одно условие я уже выполнил, бабка. Когда в твоей постели спал.

Ах ты ж! Быстро нашёлся!

- Смотри, чтобы с двумя другими условиями прострела не получилось, - заметила я.

- Что сделать надо? – тут же спросил он, судя по всему, готовый хоть за тридевять земель за жар-птицей бежать.

- Первое условие хорошо помнишь? – осведомилась я, уперев кулак в бок. – Три ночи в моей постельке. Ты только первую переспал. Ещё две остались. Тогда и скажу следующее условие. А теперь иди, умывайся. Скоро за стол, а у тебя мордяха, как у модницы сарафан – вся в складку. Смотреть

противно.

Судя по его взгляду, он едва сдержался, чтобы не пояснить, на кого тут смотреть противно, но спустился с крыльца и пошёл к колодцу, а я взяла подойник с молоком и отправилась напрямиком в избу.

Обычно мы с Одихунтьевичем обходились на завтрак хлебом с молоком, но кормить этим Драгомира, отощавшего после таких испытаний, показалось мне настоящим преступлением.

Процедив молоко, часть я поставила сквашиваться, чтобы потом сделать сыр, а часть перелила в жёлтый обливной глечик и поставила на стол.

Выгребла из печи золу, затопила и поставила на пристенок чугунок с яйцами. Взболтала жидкое тесто и напекла с десяток блинов, щедро сдабривая их сливочным маслом.

На печи заворочался кот – ему стало жарко. Чёрный хвост свесился, и я безжалостно его дёрнула.

- Мя-а-а-ау! – заорал спросонья Одихунтьевич, полетев на пол.

Шлёпнулся кот, конечно же, на все четыре лапы. Как и всегда.

- Ты с ума сошла? – произнёс он дрожащим от возмущения голосом. – Что за пожар?

- Гость в доме, - перебила я его завывания. – Сбегай в клеть, принеси чистые рушники, а потом принеси мне пару головок чеснока и головку лука.

- С чего это праздник-то?! – заорал кот, бешено тараща глаза. – Ты знаешь, я терпеть не могу чеснок драть! Шелуха в зубах застревает – не выковыришь!

- Ничего, зато будет, чем вечером заняться, - я легонько подпнула его к двери. – Всё не тайные уды лизать.

Кот потерял дар речи, и пока собирался с мыслями, чтобы изречь мне что-нибудь обидно-убийственное, я попросту взяла его за шкурку и выбросила в сени.

- Без рушников не впущу! – крикнула я в щёлку.

Одихунтьевич был тем ещё чистоплюем – через подпол в избушку забираться брезговал. Там, видите ли, грязно и мыши бегают. Не мыши, конечно, а суслики, но для него между этими зверьками особой разницы не было. И как только он жил без меня?..

К блинам я положила сметану, а несколько блинов намазала творогом пополам с мёдом, положила в другой чугунок и поставила тоже на пристенок. Чтобы творог подпёкся, проникся медовым духом и стал сладким и тягучим, как печатный пряник.

Эх, жалко, что мяса нет...

Богатырей надо кормить мясом. Но даже если сейчас свернуть курице голову, приготовить её быстро не получится. Если только к обеду сварить горячий, сытный куриный суп. Да, точно! Куриный суп с домашней лапшой!

Я проверила, сколько осталось муки, и задумалась. Надо бы сходить в деревню, обновить припасы. Если бы не кня-

жич, я ещё месяц тянула бы на сухарях и рыбе. А так придётся подсуетиться.

Притащился Одихунтьевич, держа в зубах рушники. Я забрала, погладила кота по голове и снова ласковым пинком выпроводила вон – в огород.

Пеклись в печи яйца, на столе стояли блины, копчёное сальце тонкими ломтиками, сметана и сухой творог, скатанный в шарики и провяленный в душистом дыму из дубовых щепок. Ещё я поставила вываренную в меду малину, рубленную солёную рыбу пополам со сливочным маслом, растопленное масло в глиняной чеплашке, да ещё Одихунтьевич принёс чеснок и луковичку. С остротой и пресная речная рыбка сойдёт. Не княжеские кушанья, но чем богаты.

Вернулся Драгомир – с рубашкой на плече, с каплями воды на могучей груди и в кудрях. Умытый, свежий, бодрый... Про помятую мордяху я приврала. Хорошо он выглядел. Сразу видно, что выспался и отдохнул.

Ничего, поживет у меня – и выспится, и откормится. Ещё бы придумать, как его от мести Злате-Златогорке отговорить. Ведь не знает, дурачок, во что ввязывается.

- А у тебя тут, бабка, настоящее хозяйство, - сказал княжич, вытираясь рушником, который я ему протянула. – Одна живёшь?

- Одна, милоч, - закивала я, невольно таращась на него.

Рубашку-то зачем было снимать? Пусть я и старуха столетняя, но не каменный же истукан?

- Как со всем справляешься? – продолжал расспрашивать Драгомир. – У тебя же и курятник, и огород, и стойло с лошадьми. И табун не маленький.

- Да вот так и справляюсь, как получается, да как жизнь позволяет, - вздохнула я и даже слезинку смахнула, словно загоревала о своей несчастной одинокой доле.

На самом деле – пот со лба вытерла, потому что хоть я и благородная княжна, но тоже человек, и рядом с полуголым красивым парнем тоже ощущаю слабость в коленках.

Но вместе с этим пришла замечательная мысль – как удерживать этого красивого болвана, чтобы он не помчался Коша Невмертича на бой вызывать, а осенью не помчался в Житец, княжну душить.

- Садись-ка за стол, - засуетилась я, едва сдерживая радость от удачной выдумки. – Покушай вдосталь, силы тебе понадобятся...

Он сразу насторожился и подозрительно глянул, но за стол сел и благополучно умял столько, что мы с Одихунтьевичем за неделю бы не одолели.

Кот сидел на лавке возле окна и так зло смотрел на парня, что мне хотелось засветить в кошачью морду сапогом.

Но Драгомир злых кошачьих взглядов не заметил, облупил ещё одно яичко, макнул в сметану, присолил, и зажевал целиком, закусив зубком чеснока.

- У тебя там жеребёнок лежит, - сказал он, работая челюстями. – Больной, что ли?

- Задохлик, - тут я вздохнула совсем непритворно. – Слабенький родился. Выходить пытаюсь, да не жилец он, скорее всего. Его бы на солнце, а на заре в росе искупать, да он не ходит, бедолага.

- М-м, - промычал Драгомир сочувственно, допил молоко и отправился на двор.

- Дармое-е-д, мя-а-ау! – крикнул ему вслед Одихунтьевич.

- Ой, да замолчи ты, - отмахнулась я, начиная убирать со стола.

Перебив чашки-плошки, я закатала рукава, подвязала волосы, взяла нож и отправилась резать курицу, а когда вышла на крыльцо, то увидела Задохлика – жеребенок лежал во дворе, на травке, в тени берёзы, и тянул морду, ловя бархатистым носом солнечные лучи. Рядом сидел Драгомир и гладил Задохлика по серому боку.

- Ты... ты как это?.. – только и смогла выговорить я.

Драгомир посмотрел на меня и усмехнулся. Совсем не горько, не насмешливо, а вполне себе обыкновенно.

- Молча и руками, бабка, - сказал он, продолжая гладить жеребёнка. – Ему солнце надо? Взял и вынес. Завтра в росе искупаем. Поправится твой дохляк.

- Задохлик, - поправила я его и облизнула пересохшие губы.

- Смотрю, у тебя забор покосился, - Драгомир поднялся и подошёл к тыну. – А черепа-то не настоящие...

- Не твоё дело, - сказала я без злости. – Или разочарован?

Хотел там найти настоящие головы?

Он не ответил и покачал тын.

- Топор есть? – спросил он.

- Есть, - ответила я, помедлив. – А ты умеешь заборы чинить?

- Много чего умею, - ответил он и щёлкнул ближайший череп по гладкой макушке.

Я не удержалась, чтобы не созорничать. Незаметно при-топнула, и череп, вдруг повернувшись на колу, лязгнул зубами, пытаясь ухватить Драгомира за палец.

Княжич шарахнулся, споткнувшись и чуть не упав.

- Испугался? – ласково спросила я. – Так не зевай. У меня тут – хе-хе! – всё серьёзно. Раззявы без пальцев ходят, а то и без голов. Топор в сарае. Бери, если помогать взялся. А я в деревню схожу. Дела у меня там.

Драгомир мрачно глянул на меня исподлобья и пошёл к сараю.

- Приглядывай тут за ним, - велела я Одихунтьевичу, который весело скалился с крыльца. – Я в деревню.

- Пряничка там прикупи!.. – мяукнул кот мне вслед.

Ко всему прочему, он был ещё и страшный сладкоежка. Мышками брезговал, а прянички жрал – будь здоров. Особенно мятные, в сахарной глазури.

К деревне я вышла уже к полудню, когда припекало. Пот заливал лицо, и страшно хотелось умыться, но нельзя. Вода смоем заклятье. Придётся потерпеть до дома. Хотя, у меня

теперь и дома соглядатай. Не проколется бы на своих превращениях. А может... рассказать ему всё?..

Сердце моё жалобно тенькнуло. Рассказать – вдруг поверит? И будет нас уже двое... А не я одна... против всего мира...

Но тут же внутренний голос рассудительно и холодно напомнил, что не нам с Драгомиром сражаться против колдунов. Ни умения не хватит, ни сил. Погибнем ни за что. И совсем не останется на свете тех, кто вспомнит нашего пращура Яра-Ярилу, солнечную Жар-птицу, Распрекрасную девицу, и предка рода Славниковичей, который, как говорят, был огненным змеем – летал по небу и был сильнее всех и на земле и над ней.

Да и не поверит Драгомир. Посчитает, что вру всё, чтобы себя спасти. Или чтобы его вернее погубить.

Я ведь не поверила, когда мне рассказали, что мой отец убил мою мать, поймав её с любовником. Да не с каким-нибудь, а с Безбраимом, внуком Борживоя и Любославы. Убил мою мать, убил и любовника. И был вправе – за поруганную честь.

Но Славниковичи тоже не поверили, что Безбраим покусится на чужую жену, обвинили отца в убийстве и в клевете, и пошли войной.

Нет, тут невозможно признаться. Слишком многое разделяет наши семьи. И не понять, где тут правда, где ложь, но одно я знала точно – в Житец Драгомира отпускать нельзя.

Костями надо лечить, а не пускать.

В деревне я сразу пошла к старостихе и за целебные травы выменяла у неё хороший кусок свиной солонины и вяленых говяжьих рёбер на сытные похлёбки. И про пряники, конечно же не забыла. Попросила напечь на неделю.

- Ты, бабка, никак зубами обзавелась? – пошутила старостиха, укладывая в мою корзинку съестное. – Что это тебя на мяско потянуло?

- Да внучек приехал бабушку навестить, - прошамкала я. – Надо побаловать мальчонку. Своим тут скажите, чтобы парнишку моего не трогали. Он у меня до осени поживёт, лошадок моих пасти будет. Не пугайте.

- Что ты, не тронем! Не тронем! – замахала руками старостиха.

И ей было с чего испугаться. В последний раз, когда я просила крестьян не шалить и угомониться, за моей спиной стоял бурый мишка. Тогда у многих, наверное, штаны повлажнели, когда драпали без остановки через весь лес до деревни. Запомнили – уже приятно. Ещё бы подольше не забыли.

- За пряниками позже приду, - сказала я на прощанье. – С мяткой мне сделай, и с сахарком. Внучок мой любит такие – страсть!

Домой я вернулась к вечеру, но и в сумерках разглядела, что покосившийся забор стоял прямо, а в зубах у черепов торчало по пучку соломы.

- Ну умелец, - ворчала я, откупоривая черепа. – Ну ста-

ра-а-ательный!

Когда солома была повыдергана, я наведальась в конюшню.

Задохлик лежал на подстилке в своём углу и дремал. В яслях был насыпан ячмень, в поилку налита вода. Прямо хозяин появился.

Не успела я ступить на крыльцо, как с крыши на голову мне свалился Одихунтьевич – злющий, только что ядом не плевался на каждом слове.

- Гони его! – заверещал он, цепляясь когтями за мою рубашку, а заодно – за живую кожу. – Гони его! Или я его придушу ночью!

Глава 2

Первым делом я отодрала от себя верещавшего кота и от души шваркнула его в крапиву, растущую у крыльца.

- Ты совсем совесть потерял, морда шерстяная? – отругала я его, почёсывая поцарапанные места. – Ты что на меня бросаешься? У тебя когти, между прочим!

- У меня ещё и душа! И сердце ранимое! А ты меня – в крапиву-у-у-у! Ма-а-а-у! – взвыл кот, выбираясь из зарослей.

- У тебя шуба, как у барсука, - огрызнулась я. – Крапиве не достать.

- Не достать?! – возмутился Одихунтьевич, залезая обратно на крыльцо. – А нос? А лапки? Всё обожгла! Злодейка!

- Будешь ночевать во дворе, - строго напомнила я обычное наказание.

- Злодейка – это я про крапиву, между прочим, - сразу присмирел кот. – Давно пора бы её скосить. Это тоже между прочим. Это так, мысли вслух.

Похоже, он по-настоящему обиделся.

Но я тоже не спешила успокаиваться.

- Вот и скосил бы, - посоветовала я ему.

- У меня лапки! – для наглядности он показал мне свои пушистые и когтистые лапищи.

- Твои лапки – как раз бороться с грядками, - ещё строже ска-

зала я. – Ну, чем тебе гость не угодил? Задохлик, вон, сопит и радуется.

- Задохлика твоего он только под репицу не целует, - отозвался кот. – А мне – грозился!..

- Прямо-таки грозился? Тебе? И чем же?

- Свинья он! – рявкнул кот. – Гони его! Гони! Всё равно ведь обманешь и не дашь! – тут он замолчал, настороженно посмотрел на меня и уже тише спросил: - Или дашь?..

Я прекрасно понимала, что он про коня, но всё равно меня обдало удушливой, жаркой волной, едва вспомнила нашего гостя в бане.

- Конечно, не дам ему коня, - быстро произнесла я. – Но это не значит, что человека гнать надо, потому что он коту нечаянно на хвост наступил.

- Нечаянно?! – мигом взбесился Одихунтьевич и сразу всё выложил, наивная зверина: - Я сидел себе, никого не трогал! На лавке сидел! А он, такой, говорит: ещё раз пасть откроешь, я тебе бубенцы отстригу, звенеть перед кошками будет нечем! Это – как?! Это – по-человечески, ты считаешь? По-доброму?

- Жестоко, - признала я. – Как же ты без бубенчиков? Непорядок, прямо скажу.

- И я о том же! Главное – сидел себе, никого не трогал!.. – горестно затянул кот.

- Только материл его, на чём свет стоит, - подхватила я ему в тон.

- Только материл... - тут Одихунтьевич осёкся, вздыбил шерсть и рывкнул: - Ты о чём? Я и материться-то не умею! Грех это!

- Ладно, не надсажайся, болезный, - я погладила его по шкурке ногой, потому что руки были заняты. – Поговорю с ним, спасу твои бубенчики, - и нарочито зацокала языком: - Это же надо! На святое покусился, ирод!

Кот ещё что-то шипел мне вслед, но я уже не слушала. Открыла дверь, толкнув её бедром, и зашла. Одихунтьевич шипеть перестал и прошмыгнул в избу у меня под ногами, учёно поджимая хвост, чтобы дверью не прищемило.

Я зашла – и забыла затворить дверь.

Гость сидел на лавочке, у зажжённого светца, и резал новое топорище взамен моего старого. А на столе стояли свежеиспеченные лепёшки и речная мелкая рыбёшка, зажаренная в масле до хрустящей золотистой корочки.

Но это всё ладно, это можно было пережить и без потрясений, а вот как не потрястись, когда гость сидит, как у себя дома – в одних исподних штанах, а сверху на нём из одежды только нательный крест.

Впрочем, сразу было понятно, почему разделся – мною вышитая рубашка висела, распяленная на стенные гвоздики, обтекая с рукавов.

- Х-хозяйничаешь? – спросила я, поставив корзину и обмахиваясь ладонью, словно утомилась от того, что тяжело несла.

Что-то и вправду я одичала и от людей отвыкла, если меня от дебелого парня в жар бросает.

- Да-да, он тут как хозяин уже ходит, - зло забормотал кот.
– Упустила ты, Ягуша! Он совсем страх потерял! Надо было сразу гнать...

- Брысь под лавку, - шикнула я на него, а потом прокашлялась и спросила у княжича: - Почто скотинку мою шерстяную обижаешь? Кота трогать не смей, он мне друг и брат, в обиду его не дам.

- А я и не трогал, - тут же отозвался Драгомир и посмотрел на Одихунтьевича так, что тот шлёпнулся на пузо и быстро-быстро перебирая лапами забрался под дальнюю лавку. – Это он у тебя на людей кидается, морда шерстяная.

- Прямо спелись! – муравкнул кот.

Княжич тем временем повернулся спиной, показывая шесть глубоких царапин между лопатками.

- Та-а-ак, - сказала я голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

- Поклёп! – сразу отозвался Одихунтьевич. – Он об тын чесался, а на меня спирает!

- Вобщем, слушайте оба, - сказала я, и в избушке стало тихо – даже сова под потолком ожила и вытянула шею, приоткрыв клюв и лупая подслеповатыми глазами. – Кота не трогать, - сказала я, обращаясь к Драгомиру, - хоть шерстинка с него упадёт – коня не увидишь, как своей спины. Смуту не затевать, иначе буду бить по наглой усатой морде, - у кня-

жича усов не было и в помине, поэтому ясно, что последнее относилось к Одихунтьевичу.

Он протестующее заворчал, но из-под лавки благоразумно не вылез.

- Сейчас кобыл подою, - сказала я, уже ни к кому лично не обращаясь, - и есть сядем.

Вечер был мягкий и медовый, как бывает в начале лета. Солнце уходило в золотисто-оранжевые облака, и из леса уже тянуло свежестью. Я раскрыла ворота и встала, уперев кулаки в бёдра. Отсюда мне была видна серебристая излучина реки, по которой уже пластался туман. Потом из тумана медленно и горделиво, словно лебеди, выплыли мои лошадки. Уставшие и нагулявшиеся за день, они уже не смотрели на шёлковую траву и не тянули морды к воде. Они шли домой, и я ждала их – моих красавиц. И жожака-красавца, Сивку-буланку, конечно же.

Он появился последним, оглядываясь по сторонам – не отстал ли кто? не потерялся ли? нет ли опасности?

Но всё было спокойно, и табун начал перебираться через реку. Здесь было мелко – кони даже брюхо не замочили. Туман всё напелзал – седой, текучий, тяжёлый, словно гривы моих лошадей.

- Домой, домой, лапушки мои, - позвала я, когда лошади выбрались на берег и пошли к дому.

Каждую из кобыл я гладила по холке, по крутым бокам, и умные животные тыкались мне в лицо атласными мордами,

ласково фыркая, кося добрыми, лукавыми глазами. От лошадей пахло солнцем, травами, молоком и ещё чем-то тёплым, приятным, как будто сама мать сыра-земля поцеловала каждую в лоб.

- Погуляли, матушки, теперь и отдохнуть пора, - я заводила их в стойло, подсыпала каждой ячменя, а Сивке-буланке сунула в зубы заготовленную морковь.

Вымыв руки у колодца, я взяла два подойника, взяла ведро с водой и мягкую тряпочку, чтобы мыть кобылам вымя, и отправилась на вечернюю дойку.

Молока кобылки давали не слишком много – с каждой по полторы-две большие кружки, остальное жеребята высасывали за день. Но нам с Одихунтьевичем хватало. И попить, и творог сделать, и даже сыр сварить. Конечно, теперь нас трое...

Пока я доила, на крыльцо вышел Драгомир.

Сел, вытянув длинные ноги, и поглядывал под навес, где я переходила от одной кобылы к другой, ставя на колено ведро с молоком, когда доила. Так молоко попадало точно куда полагается, а не разбрызгивалось по сторонам. Да и тянуть за вымя было удобнее, чем сидеть на скамеечке и задирать руки и голову.

Когда все лошадки были подоены, я понесла молоко в избушку – процеживать.

- А ты ничего так, бабка, - сказал мне Драгомир, передвинувшись по крыльцу, чтобы я могла пройти, - шустрая. Хо-

рошо справляешься.

- Так а что поделать? Помощника-то нет, поневоле справишься, - ответила я, заходя в избушку, и стараясь не коситься на его саженные плечи и голую грудь, на которой вполне можно было спать улечься, как на печи.

Кот прошмыгнул следом за мной. Судя по всему, оставаться наедине с гостем он не желал ни в доме, ни во дворе.

Я сразу налила Одихунтьевичу тёплого жирного молока в чистую плошечку, и он блаженно припал к ней, пачкая усы и довольно урча.

Молоко я процедила и разлила по кринкам. Одну на сегодня, другие на завтра – чтобы подкисли для творога и сыра. Выглянула из дверей – звать гостя к столу, и замерла на пороге.

Пока я возилась в избушке, Драгомир без дела не прохладился. Взял скребок и крючок и начал чистить лошадей. Проверял им копыта – не застрял ли камешек, выглаживал шкуру – шерстинка к шерстинке. И всё так ладно, с умением, без суеты. Я опомнилась и побежала помогать, схватив гребень. Вслед мне полетело мяуканье, но я даже слушать не стала.

Пока княжич орудовал скребком, я начала вычёсывать лошадям гривы и хвосты, а потом приплетала их в косы, чтобы меньше путались.

Мы работали дружно, рядом, но ни словом не обменялись. По-моему, княжич старался меня не замечать. Зато я

то и дело поглядывала на него. Любовалась, что уж скрывать.

- Работать умеешь, - похвалила я Драгомира, когда молчание явно затянулось. – Ты вот мне про побоище рассказал... А отколь узнал, что это княжна из Житеца всех порешила?

- Люди видели, - ответил он ровно, продолжая орудовать скребком. – Ведьма она. Обернулась волчицей и всех погрызла.

- Как же она в город пробралась?

Драгомир на мгновение замер, подумал, а потом сказал:

- Спесь наша виновата. Когда пришла грамота от княжны, что хочет она замириться и приглашает на пир, наши деды сказали – что это мы к ней поедem? Она – баба, и одна, а мы – мужчины, и нас много. Хочет мириться, пусть к нам едет. Она и приехала. С малой свитой, с подарками, а ночью, когда никто не ждал, обернулась сама волчицей и слуг своих в волков превратила.

- Но сам ты этого не видел, - продолжала я осторожно. – Ты ведь сказал, что далеко был?

- Далеко, - коротко ответил он.

- Путешествовал?

- Нет.

- Болел?

- Нет.

Я замолчала – нет так нет. Не хочешь говорить – в душу лезть нечего. Но про княжну из Житеца надо было разузнать побольше.

- А вдруг тот человек соврал? – предположила я. – Что это Злата-Златогорка всех?.. – я не смогла выговорить страшное слово.

И вспомнилось, как я грозилась славниковичам, погнавшим меня от города, когда я просила защиты. «Чтобы вас волки погрызли!», - так я им сказала. Но кто же знал-то, что в сердцах брошенные слова сбудутся. Не хотела я для них такой судьбы, хоть и была на них зла.

- Перед смертью не врут, - произнёс Драгомир, и его спокойный голос меня не обманул. – Я тогда только отца живым нашёл. Да и то – при смерти был. У меня на руках умер. Успел только сказать. Что произошло. А славниковичи не врут, - добавил он. - Это эти... птичьи дети врать горазды. Гнездовичи. Сначала Безбраима оболгали, что он, дескать, к княгине бегал. Безбраим не такой был. Никогда бы чужую жену не завалил, - и переменял разговор: - А ты давно здесь живёшь, бабка?

- Сколько себя помню, столько и живу, - ответила я, сама размышляя о событиях, что случились после моего бегства из Житеца.

Княжич чуть повернул голову, окинул меня быстрым взглядом, и проворчал:

- Давно, значит.

Ещё сколько-то мы молча занимались лошадьми, но тут уже Драгомир не утерпел:

- А почему? Почему ты от мира ушла?

- Потому что тайные знания – они только вдали от людской суеты добываются, - повторила я ему слова Коша Невмертича.

Княжич фыркнул и насмешливо спросил:

- Ну и что? Добыла?

- А то не видишь, - я подбоченилась. – Не зря же ты черепушечкам моим рты затыкал!

Драгомир бросил взгляд в сторону тына, покачал головой и сказал:

- Ты ведь добрая, бабка. Зачем людей пугаешь?

- Кто тебе сказал, что добрая?

- К злому человеку зверь так лхнуть не станет. А тебя лошади вон как любят. Я же не слепой, вижу.

Видит он. Глазастый, ага. Девуцу рядом с собой не рассмотрел. Но зато жениться на ней собрался. Аж к Яге примчался, помощи просить.

Но кровь к щекам у меня прилила. Похвала и кошке приятна. А эта похвала – особенно. Не зря я столько сил и колдовского умения потратила, чтобы своей в Заповедном лесу стать. Даже Драган-болван это заметил. Но таять от его ласковых слов я не собиралась и поддразнила в ответ:

- Что-то тебя мой кот не очень полюбил. Ты, наверное, злыдень ещё тот?

- Кот твой – скотина шерстяная, - проворчал княжич и повёл плечами. – И когти у него железные.

Мы как раз закончили ухаживать за лошадками, я погла-

дила Задохлика и смягчилась:

- Пошли, - сказала я Драгомиру, - смажу тебе спину целебной мазью, боец с котами.
- Так заживёт, - буркнул он.
- Кошачьи когти – они почти ядовитые, - произнесла я со знанием дела. - После них дольше заживает, чем после собачьих зубов. Пошли, полечу. Ты мне для службы здоровый нужен.

Тут он взглянул на меня с опаской, хоть и пытался это скрыть. Я не удержалась и прыснула.

- Иди уже, храбрец, - и пошла в избушку первой.
- Странная ты, бабка, - полетело мне вслед.
- Чтой-то? – спросила я, обернувшись на ходу.
- В чём только душа держится, как у ветошки, - не остался в долгу княжич, - а смех – как у молоденькой.
- Так когда рядом добрый молодец, и ветошка помолодеет, - не растерялась я и добавила, нарочито смущённо и завлекательно стреляя глазками: - Али ты, милоч, в бабусе красоту разглядел? Может, и правда, лечь с тобой в постельку сегодня?

Это подействовало – красавчика сразу перекосило, он опустил взгляд долу и бочком прошёл в избушку. Можно сказать – даже убежал.

- То-то же, - сказала я ему вслед вполголоса.

Смеяться, кстати, я сразу перестала и мысленно попеняла себя за неосторожность. Меньше надо зубками блестеть. Ты

сейчас не девица, а Яга-Ягища. Будь добра, не забывай об этом. Драгомир хоть и болван, но далеко не дурак.

Когда я зашла в дом, Одихунтьевич вполне ожидаемо сидел под лавкой и зло смотрел, как наш гость умывается, вытирается рушником и садится за стол.

Есть, впрочем, княжич не стал – ждал меня.

Ишь ты, какой вежливый.

Вымыв руки, я повязала платочек, глянувшись в маленькое зеркальце, и достала с полки коробочек с мазью, заживляющей мелкие ранки. Там были намешены пчелиный воск и пчелиная уза, и ещё вытяжки из разных трав – ромашки, тысячелистника, лопуха. Рецепт был мой – выпестованный, выглаженный, отточенный до последней травяной пылинки.

- Сиди смирно, - велела я Драгомиру, - сейчас спину тебе намажу.

Он мотнул кудрявой головой – понял, мол.

Прикасаться к нему было, конечно, одно удовольствие. На красивого человека и посмотреть приятно, не то что по спинке погладить. Всё-таки как глубоко зрила бабка Любослава... Она же сразу сказала, что вырастет этот болван красавцем писаным, девкам на погляд, мужикам на зависть...

Драгомир сидел смирно, но вдруг обернулся через плечо.

- Что? – тут же спросила я.

- Нет, ничего, - отвернулся он.

Я смазала следы кошачьих когтей щедро и ещё шепнула заветные слова, чтобы подживало скорей, а потом закрыла

коробочку и бодро сказала:

- Вот и подлечили тебя. Впредь к диким зверям спиной не поворачивайся...

- Это кто – дикий зверь?! – подал кот голос.

- Дикие звери, бабка, со спины не нападают, - ответил княжич. – Это только трусливые люди в спину бить горазды.

- Ах, какой у-у-умный! – заверещал опять Одихунтьевич, но я цыкнула на него, и он обиженно замолчал.

Только торчащий из-под лавки чёрный хвост зло метался туда-сюда.

- Теперь можно и поесть, - я села напротив гостя и на правах хозяйки начала резать хлеб и разложила по мискам рыбу.

Одну рыбу я растребушила, освободив от костей, сложила мясо в чистую мисочку и поставила перед лавкой – для Одихунтьевича.

- Кот у тебя как боярин живёт, - не удержался Драгомир, догрызая уже третью рыбёшку.

- Кому и кот брат, - ответила я ровно, - а кому и волчица – невеста.

Княжич намёк понял и сверкнул на меня глазами, но промолчал.

- Так и быть, - продолжала я спокойно, обдумывая каждое словечко, чтобы лишнего не сказать: - помогу я тебе. Подарю коня богатырского...

- Спасибо, бабуля! – он обрадовался так явно, что мне даже совестно стало. – У меня сейчас ни золота, ни серебра нет,

- продолжал княжич, заметно волнуясь, но если жив останусь, я тебя не забуду. А так я у тебя тут всё переделаю! И крыльцо новое поставлю, и дверь подтешу, а то она у тебя плохо закрывается...

- ...если выполнишь мои условия, - перебила я его.

- Первое уже выполнил, - быстро отозвался Драгомир и большим пальцем через плечо указал на постель.

- Ещё не выполнил, ещё две ночи остались, - напомнила я, и он сразу сник. – Второе условие будет – приглядывать за моим табуном. Кони у меня на вольном выпасе, а там звери, люди-лиходеи, да и в чаще мало ли что бывает. До осени если ни одна лошадь, ни один жеребёнок не пропадут – считай выполнил второе задание.

- До осени? – он наморщил лоб, соображая.

- Пока берёза, что возле тына растёт, не пожелтеет, - сказала я.

Берёзы желтеют раньше остальных деревьев, это всем известно. Драгомир, видимо, подумал о том же, помедлил, а потом кивнул.

- Ладно, - сказал он уже без прежней радости. – А третье задание?

- А третье скажу, если выполнишь первое, - тут я улыбнулась своей старческой улыбкой, от которой бросало в дрожь даже самых наглых крестьян.

Драгомир сразу уткнулся глазами в стол и хмуро догрыз последнюю рыбку.

Рыба, кстати, получилась вкусной. И зажарил ее княжич отменно – хорошо посолив и сделав много-много надрезов на бочках, так что после жарки даже косточки не чувствовались.

Я редко ловила рыбу – и времени не было, да и сети плести не умела, и крючков у меня не было, а вот княжич справился.

- Ты, прямо, добытчик, - похвалила я его.

- Морду из ивовых веток сплести – дело нехитрое, - пожал Драгомир могучими плечами. – Я ещё плетёнку на раков поставил.

– Порадовал бабушку рыбкой, да ещё и раками побалуешь? Ну молодец... – расчувствовалась я. - Ещё службой порадуй – так не повиснет твоя голова на пустом шесте за моей избёнкой.

Драгомир и кот фыркнули одновременно. Не поверили, поганцы.

Мы закончили вечерять, я пригасила лучинку, и в темноте все разбрелись по своим постелям – я забралась на печку, туда же вскарабкался Одихуся, а Драгомир улёгся на моей постели. Стало тихо, хотя никто ещё не спал, но постепенно дыхание княжича стало ровным, и кот тоже засопел. Я выждала ещё какое-то время, а потом осторожно спихнула кота с себя. Он шлёпнулся на одеяло, недовольно муркнул и снова засопел, а я спустила ноги с печи, встала на приступочек, а затем на пол, и на цыпочках, прихватив кожаные лапти, вышла из избушки.

На дворе было уже темно, хотя и не глухая ночь. Под навесом дремали кони, я прошла к изгороди, сняла один из черепов и пристроила его на палку. Щёлкнула его по макушке, и глаза черепа загорелись огнём, бросив мне под ноги два круглых светлых пятна.

Подсвечивая себе дорогу, я направилась к озеру.

Бабка бабкой, Яга – Ягой, а надо было и помыться.

И так вчера в бане вспотела, и даже холодной водой не окатилась. Не говоря уж про сегодняшний денёк.

Тёмный, даже чёрный лес не казался мне враждебным. Конечно, не часто я тут по ночам бродила, но приходилось. Иногда искала кобылу или жеребёнка, что отстали от стада, иногда собирала целебные травы, а однажды разыскивала Одихунтьевича. Это было в первые недели нашего знакомства, когда кот, который приплёлся ко мне на крыльцо тощий, грязный и заморенный, понемногу отошёл, отъелся и принаглел. Тогда мы с ним крепко поссорились, я получила кошачьими когтями по ноге, а кот получил крепкого пинка и прозвище Одихунтьевич. Правда, в тот момент прозвучало оно немного не так...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.